

18+

ДЕРЕВНЯ НУРА

КНИГА 1

МИЛЛА ГЕНРИХ

Милла Генрих

Деревня Нура. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57438511

ISBN 9785005135902

Аннотация

Любите мистику? Вам сюда! Как предсказывает дед Мирон, самый старый житель деревни Нуры, каждые пять лет в деревню приходит беда с первым осенним дождем. Кто-то верил в эти предсказания, кто-то нет, но часто они сбывались. Арина и Надя – две подруги, которые с детства мечтают уехать из деревни в город. Ура, после школы мечта сбывается. Хотите узнать, что ждет девушек впереди? Тогда берите книгу в руки и начинайте путешествие в непредсказуемую взрослую жизнь вместе с ними.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Деревня Нура

Книга 1

Милла Генрих

Корректор Ridero

Дизайнер обложки МН

Фотограф Pixabay License Бесплатно для коммерческого

использования

© Милла Генрих, 2020

© МН, дизайн обложки, 2020

© Pixabay License Бесплатно для коммерческого использования, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-3590-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-3591-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Наша большая деревня находилась близко к районному центру, наверно поэтому в ней были школа, детский сад и даже маленькая больница на пять коек, один маленький магазин, в котором, как и в любом сельпо, было всего понемногу. Деревня Нура именована так же, как и наше озеро, которое притягивало районных и городских жителей своею красотой во все времена года. Вода в озере была чистая, как слеза. Не зря наши старожилы всегда рассказывали легенду нашей деревни всем, кто к нам приезжал в гости. А история ее была такова.

«В давние времена в этих местах никакого озера не было. Кругом был густой лес со склонами и возвышенностями. Лес славился недоброй славой среди людей. Ни народ, ни сам хозяин земли не хаживал в эти места. Даже охотники в лес не осмеливались заходить. Только деревья шумели своей листвою здесь, птицы гнезда вили, да травы цвели. В лесу был овраг, в котором текла маленькая горная речка. С левого высокого косогора бежал ручей, но тут же прятался в землю, а ниже к речке впадал в нее маленьким водопадом. Правый косогор прятал от всего мира маленькую деревню, о которой никто не знал. В этой деревне среди берез и елей жил рыбак-охотник, и была у него дочь с не славным харак-

тером, жители деревни ее сторонились и даже побаивались. Но красоты была девушка необычайной. Волосы у нее были длинные, цвета пшеницы, глаза – цвета неба. Звали ее Нура. Росла она, как полевой цветок: в своей округе она знала каждый листок, каждую травинку. Каждый день она прогуливалась по лесу, разговаривая с цветами на их языке, пела им песни, и все бабочки и пчелки слетались на ее дивный голос. Но больше всего она любила смотреть на водную гладь своей небольшой речки, у которой стояла на отшибе деревни их с отцом изба. Она часами могла смотреть на ее поток и слушать журчание, любоваться птицами, которые кружились для нее в своем дивном танце.

Тихо было в их деревне, пока о Нуре не узнал властный богач. В нескольких верстах от их небольшой деревни на высокой скале у оврага возвышался дворец, выложенный белым мрамором, а в окнах мерцала слюда. Вокруг дворца повсюду стояла стража, охраняя его. Жил в этом дворце жестокий и властный богач по имени Назар. Верный слуга царя. Большие богатства имел он, о которых царь и не догадывался. На много верст лежали земли Назара. Народ, живший на его землях, свету не видывал, работали на богача с ранней зари до восхода солнца. В горах с утра до ночи его рабы искали самоцветы, которыми пополняли казну Назара.

За косогором недалеко от деревни проходила дорога, мно-

го гостей по ней проходило – купцы везли свои товары на продажу, обратно везли ткани, шелка и вина. Однажды два купца, ехавшие вместе к Назару во дворец, решили сделать привал. Места были так красочны, что они решили спуститься к речке и неожиданно для себя увидели девушку, идущую среди берез. Завороженно смотрели на нее и не верили своим глазам, что в этих краях живет такая красавица, словно звезда, сошедшая с небес. Прибыв во дворец, они рассказали, что за косогором повстречали писаную красавицу. Прослышав о красоте Нуры, властный хозяин земель Назар приказал отыскать эту деревню и послать туда сватов. Но Нура отказалась выйти за него замуж, потому что сердце девушки было давно отдано другому юноше. Их чувства были взаимны. Он был молод, храбр, красив, очень умный и мастер на все руки. Его все любили в деревне за доброе сердце и золотые руки. Но никак не могли понять его любви к местной колдунье. Все знали, что, намешивая травы, она могла оживить даже мертвого, быстро могла изгнать хворь у больного, но и напустить порчу она с легкостью тоже могла. Люди кланялись ей, если встречали на своем пути, но без надобности сторонились ее. Однажды юноша изготовил чашу с зеркальным дном, на котором лежала черная жемчужина, и подарил своей возлюбленной, сказав, что изготовил ее из глади воды. А если она нальет в чашу воду и заглянет в нее, то увидит свое будущее. Однажды Нура так и поступила. Когда она глянула в наполненную чашу с водой, она увидела озеро с

цветом ее глаз, над которым летел белый лебедь. Вдруг какая-то неведомая сила подкинула лебедя вверх, и он неожиданно камнем стал падать вниз. Нура ужаснулась картине, что увидела в чаше, и решила больше никогда в нее не смотреть. К тому же ничего не предвещало беды. Но, когда холмы покрыло золотом, а деревья засияли в багряных красках, нагрянула беда. С приходом осени со слезами дождя пришли слезы и девушки. Не смог богач простить девушке отказ быть его женой, он решил сделать ее своей рабыней. По приказу Назара его верные слуги выкрали Нуру у отца и заточили в башню, пока сама не покорится его воле. Возлюбленный юноша сразу же, как узнал о похищении своей любимой, поспешил на помощь. Ночью он незаметно пробрался в башню, пока стража спала, и нашел там свою любимую. Но стражники проснулись, и началась погоня. Юноша понял, что Нуру спасти он не сумеет, слишком неравные силы. Он решил отвлечь погоню, приказав девушке бежать домой и указав ей дорогу, по которой он сумел незаметно пробраться во дворец, а сам взял преследователей на себя. Когда Нура вернулась в родной дом, то увидела пепелище – ничего не осталось от деревни, ни дома, ни отца. Люди, что остались в живых, спрятались в лесу, и только чаша блестела из-под пепла сгоревшей избы. Взяв в руки чашу, Нура с надеждой заглянула в нее. Катившиеся слезы попали на черную жемчужину, которая лежала на дне чаши, и сразу кругом все стихло, а жемчужина стала менять цвет – засияла, отливая цветом го-

лубой волны. Затем девушка увидела озеро с цветом ее глаз, и увидела в нем, как у обрыва скалы, рядом с дворцом Назара лежал ее любимый, а из его груди торчало копьё. Над телом возлюбленного кружило черное воронье. Она испугалась, но решила отомстить богачу, словно знала волшебную силу черной жемчужины. Если жемчужина станет голубеть, то все родники в земле откроются, – так рассказывал ей ее любимый, и она кинула чашу в журчащую речку. Враз задул сильный ветер, вода в реке стала пребывать, заполняя весь овраг водой. А сама девушка обернулась в белую лебедь и летала в небе, наблюдая за происходящим.

Раздался гул и сильный треск – скала, на которой возвышался дворец Назара, рухнул в низину, исчезая в горном потоке.

Наутро люди увидели озеро с прозрачной, как хрусталь, водой. Народ это озеро называл Нура – в честь девушки, ведь, по сути, она освободила их от рабства Назара, да и деревню называли, как и озеро. С тех пор из года в год в любую погоду над озером, над гладью воды летает белая лебедь».

И знаете, в одной легенде была схожей с правдой – это в том, что, когда бы ты не посмотрел в сторону озера, там всегда можно было увидеть над водою белую лебедь. Хотя может это от того, что наше озеро облюбовала небольшая стая

лебедей, и даже на зиму они не улетают. С каждым годом лебедей становится все больше и больше. А озеро в благодарность за их зимовку в его водах не замерзает. В детстве мы все любили слушать легенду о нашей деревне. И все верили в нее, но сейчас в эту легенду молодежь не верит. Я тоже в нее не верю, но всегда слушаю ее с интересом, особенно, если рассказывает самый старый житель в нашей деревне – дед Мирон, он же наш знахарь. Вот он всегда говорит: «Все большие беды деревни приходились всегда на осень: каждые 5 лет, в аккурат с приходом осени и первым дождем, в деревню приходит беда». В детстве мы почти все боялись первого осеннего дождя: как только небо заволакивало тучами, вся детвора разбегалась по домам.

Не знаю, прав был дед Мирон своими предсказаниями или нет, но последний раз беда в деревне была действительно 5 лет назад. Когда нашего лесника дядю Мишу застрелили в лесу. А из-за ночного проливного первого осеннего дождя убийцу так и не нашли. И жители деревни до сих пор боятся ходить в лес, особенно в одиночку.

Как и все я росла самым обыкновенным ребенком. Ничем не выделяющейся из общей массы деревенских детей, и мое воспитание соответствовало этой жизни. Приезжие дети всегда обзывали нас колхозниками и, тем не менее, наша деревня привлекала многих горожан, хотя город от нас был

почти в ста километрах. С детства помню, как мы летом, купаясь в озере, знакомились с мальчишками и девчонками, которые приезжали к нам на отдых с родителями из города. Тогда нам казалось, что городские люди – это жители не нашей планеты. Они и одеты были по-другому, и разговаривали по-особому. «Вечные умники», – так думали мы о них. А когда они нам рассказывали наперебой про жизнь в городе, мы с открытыми ртами слушали и даже не могли представить тех луна-парков, театров, которые они посещали. И вот, когда мы учились уже в седьмом классе, школа организовала – а может и не школа, а председатель колхоза, наш добрый Петр Алексеевич Громов – поездку в столицу нашей родины – Москву. До сих пор помню то чувство перед поездкой, всю ночь не могла уснуть. Боялась проспать. Потому что родители уходили на работу рано, особенно летом всегда просыпались с первыми петухами, ни свет ни заря. Хоть мой будильник стоял рядом со мною, я все равно боялась его не услышать.

Поездку в столицу мы запомнили на всю свою жизнь, и с моей единственной подругой, с кем я всегда делилась секретами, мы мечтали, что, когда вырастем, обязательно будем жить в городе. Нет, не обязательно в Москве, но в городе. Вот с того момента мы с Надей взялись за учебу основательно, чтобы осуществить мечту. И как мой отец всегда говорил: «Для того, чтобы жить в городе, надо хорошо учиться,

чтобы получить хорошую профессию, а не мыть там полы в ресторанах да в магазинах».

Мы с Надей очень старались и после окончания десятого класса решили поступать с ней в педагогический институт. Я сдала все экзамены на твердую четверку, а Надя на тройку. Очень боялись, что ей не хватит баллов. Но ей посчастливилось, что одна девушка забрала свои документы, потому что передумала быть педагогом и решила поступать в другой институт вторым потоком. А после этой девушки следующая в списке была Надя, поэтому она прошла по конкурсу, и мы были с ней счастливы. Общежитие нам пообещали, что мы его получим осенью, когда начнется учеба. Вся деревня радовалась за нас, все приходили, поздравляли, но больше всего за нас сейчас гордились родители. Ведь из нашей деревни еще никто не поступал в институт, в техникум – да, в основном все учились в училище и после его окончания возвращались в деревню.

До начала занятий и нашей новой городской жизни оставалось несколько дней, и мы с Надей свободное время проводили на озере. На нашем любимом месте у большого дерева. Казалось, только там приближающаяся осень обходит нас стороной. Бегали домой выполнить свои обязанности по дому и снова возвращались к озеру. Обязанностей у нас хватало: то курей покормить, то корову подоить. Правда, я была

плохая доярка, не то что Надя – она доила как прирожденная доярка, а я – как неумеха – все время дергала вымя нашей Зорьке неправильно, и она от этого часто лягалась. Одним словом, доить – это было не мое. Я так и не научилась этому ремеслу, как надо.

Оставалось совсем мало дней нашей обычной деревенской жизни. И природа словно из последних сил напрягалась, одаривая землю своим нежным теплом. Многие еще даже купались, хотя вода в озере была уже холодной, так как вечерами холодало по-осеннему. Мы с подругой сидели на озере, к нам под села группа приезжих взрослых парней с города. На вид лет на пять – семь старше нас.

Первым заговорил длинноволосый парень:

– Ах, какие девушки, давайте познакомимся? Я – Толик.

Он указал на других, перечисляя, кто из них кто. Один был Данил – светловолосый каланча, немного сутулился. Первое, что бросалось в глаза, – оттопыренные уши. Другой – Сава, красавчик, не высокий, но крепкий, наверно, был спортсменом. Леня тоже был симпатичный, волосы светлые, вьющиеся и непослушные, все время спадали на глаза, а он поправлял их рукой, но они не слушались и падали снова, закрывая ему глаза. На вид он был самый старший, потому как на висках, мне показалось, есть седые пряди волос, хотя может от солнечных лучей волосы были с таким оттенком.

Еще один парень по имени Ник (тогда я не знала, что это сокращенное от имени Никита, но в тот момент я подумала, что это иностранное имя, а спросить постеснялась). Он был высокий, стройный, глаза, словно два угля, которые загорались, когда в них попадали лучи солнца. Сказать о нем, что красавец – это значит не сказать ничего. И Толик, чуть выше среднего роста, глаза хитрые, улыбка ехидная, русые густые волосы спадали до плеч. Он был у них самый крутой, как и в каждой компании, лидер и задира, шел всегда на пролом. Не люблю таких.

Надя, обычно всегда осторожная, первая заговорила. Судя по всему, Толик ей сразу понравился.

– Я – Надя, а это моя подруга Арина.

Все засмеялись и начали меня подкалывать.

– Случайно не та самая бабушка Арина Родионовна, няня Пушкина?

– Да, та самая няня, так что проходите мимо, – сердитым голосом ответила я им.

– Да ладно, извини, мы не хотели обидеть, – наперебой заговорили парни, и Толик добавил:

– Мы искренне извинились. Девчонки, можно рядом с вами расположиться?

Надя так быстро ответила, не дав мне обрубить разговор.

– Конечно, можно. Располагайтесь.

– Надь, нам вообще-то домой пора.

– Ариш, ну давай еще посидим. Духота сегодня, как никогда, – а сама держала меня за руки, чтобы я не смогла поднять покрывало, на котором мы сидели.

– Видно, к дождю, – с иронией в голосе ответила я ей.

Потом она тихо добавила:

– Блин, ну смотри, какие парни – все как на подбор красавцы. Посидим маленько, Ариш, пожалуйста.

– А то, что они уже дядьки по сравнению с нами, это для тебя ничего не значит? Хорошо, только ради тебя, и совсем недолго. Неужели тебе Толик понравился?

– Да, и Сава тоже. А старше нас, так это даже мне больше нравится, чем наши сопливые подростки.

Сидели мы с ними до вечера, уезжать, по-видимому, они не собирались, потому как сидели в развалку и даже на часы не смотрели.

– А вы чего на автобус не торопитесь? В семь часов последний в город уедет. Потом придется здесь комаров кормить всю ночь, – заговорила я после некоторого затишья.

– Да мы на все выходные сюда приехали, – ответил Толик.

– А ночевать где собираетесь? – спросила их Надя.

– А можно у вас? – тут же не растерялся и спросил Толик.

– Нет, у нас никак, у нас дома предки, – ответила Надя.

– Да не парьтесь, девчонки, я пошутил. Мы хотим в соседнюю деревню на танцы съездить, поехали с нами?

– Странное приглашение, не находите? До соседней деревни почти десять километров, – ответила я ему.

– А мы на мотоциклах приехали, – сказал Ник.

– А где же они у вас? – спросила его я.

– На станции оставили, под присмотром у деда Коли.

Классный дед, он всегда присматривает за мотоциклами, когда мы приезжаем, за это возем ему с города все, что он попросит.

– Ну что, девчонки, едете с нами на танцы? – опять начал Толик.

– Ну, раз идти не пешком, тогда мы с удовольствием поедем с вами, – ответила Надя.

Я наблюдала весь день за своею подругой и не узнавала ее. Она позволяла Толику обнимать себя, иногда его рука скользила по ее бедру. Часто целовал ее. Она отвечала взаимно. Мне так и хотелось его огреть по рукам, чтобы не лапал. А она при этом улыбалась. Словно это была совсем не моя подруга, которая раньше была недотрогой.

– Ну, тогда бегите, девчонки, домой, переодевайтесь, наводите красоту. Мы вас на станции будем ждать.

– Хорошо, но нам примерно два часа надо, чтобы дома свои дела успеть сделать, – ответила ему Надя.

Когда мы с ней пошли домой, я сказала:

– Надя, я не хочу с ними никуда ехать, ты сегодня подруга меня удивляла каждую минутку. Ты чего поплыла перед Толиком? Вроде сказала, что Сава нравится, он, кстати, мне

больше понравился, чем Толик. Толик очень наглый.

– Ой, Ариш, Сава, конечно, красавчик, но он как жираф, меня это убило. Какой-то рассеянный, что ли.

– Ничего не рассеянный, очень интересный парень. Не то что Толик, хвостун и пустомеля. Вообще не понимаю, как с ним все эти парни дружат.

– Ох, Аришка, а мне Толик прям как будто своей стрелой в сердце угодил. И у меня башку от него снесло. Вот точно, как купидон пронзил меня.

– Офигеть, купидона нашла. Да ты права, он стрелы кида-ет уверенно, знает, что такие деревенские простушки пове-дутся, но я таких не люблю. Он мне вообще не понравился. Вот если бы его не было в этой компании, и Лени тоже, я бы наверно согласилась поехать. Все, кроме этих двоих, вроде хорошие парни. А эти Толик да Леня как ложка дерьма в компании.

– Ты что? – обиженно прокричала Надя. – Толик из всех самый обаяшка. И очень даже мягкий, ласковый и нежный. А Леня-то чем тебе не понравился? Все время сидел тихо.

– Конечно, Толик твой нежный то и делал, что лапал тебя с первого раза, не успев даже хорошо с тобой познакомиться. А тебя я вообще не узнаю. Растаяла, как мороженое, перед этим нахалом. Ленька тоже скользкий какой-то, хоть и тихо сидел, но глазами как будто ситуацию расценивал, и взгляд хищника все время прятал.

– Завидуешь подруга, так и скажи. Что они не на тебя об-

ратили внимание, а на меня.

– Я тебе уже сказала, что ненавижу хамов. И мне нечего тебе завидовать. Я просто переживаю за тебя. Соблазнит и уедет в свой город. Что потом будешь делать?

– Толик не такой, я зуб даю, что он хороший парень.

– Надя, пожалуйста, опомнись!

– От чего мне опомниться? Вот давай съездим в Покровку? Как раз узнаем и увидим, кто из них лучше. Ну, ради меня, пожалуйста. Ты ведь знаешь, что мамка моя без тебя меня не отпустит. Ариш, мы же всегда выручали друг друга. Ну, пожалуйста! – умоляла она.

– Надь, не проси, я не хочу. Тем более мы их вообще не знаем. И разве ты не заметила? Они уже взрослые мужики. Вон наши местные пацаны нас сколько раз звали туда, а мы с тобой ни разу не поехали, хотя их мы с тобой с детства знаем.

– Нашла, с кем сравнить. Да с нашими пацанами я и по нашей деревне не пройду даже один разок. Не то чтобы с ними на танцы ехать.

– Ой, ой! Какая ты высокомерная. А я бы лучше с нашими поехала, а не с этими щеголями из города.

– Вот была ты, Аринка, деревней, так и останешься. И нафиг ты тогда в город собираешься ехать жить, если от тебя деревней за десять километров нести будет?

– Я поеду учиться, а если мне не понравится городская жизнь, то вернусь сюда. И буду здесь детей учить. У нас ведь не простая деревня. Самая необыкновенная, и красота кру-

гом. Ах, если честно, мне уже уезжать совсем не хочется.

– Ну, конечно же, другая – с легендой, не то что соседские, да? Только в говне мы все одинаково возимся, что те, кто рядом живет и без легенд, что наша – с легендой об озере. А я хочу отсюда уехать навсегда, поняла? И чем быстрее, тем лучше.

– Надька, у тебя точно башню снесло. Ты ведь всегда говорила, что наша деревня лучше всех. Да и куда быстрее, нам осталось дожидаться пару дней, и все – начнется городская жизнь. Куда торопишься? Еще с радостью будешь домой бежать на каникулах в деревню к маме.

– Наша деревня лучше только потому, что в ней есть школа, а не то что в соседних деревнях, из которых к нам едут учиться, только поэтому она лучше. И, знаешь, для меня эти пару дней, как год тянутся уже.

– Дура ты, Надя, к нам даже твои городские едут на отдых, значит, точно наша деревня лучше всех и даже лучше их города.

– Ну да, ну да, ох и деревня ты, Ариша. Ну, пожалуйста, поедем в Покровку. Один раз, сделай это ради меня.

– Надь, тогда нам надо у твоего деда попросить ружье на всякий пожарный.

– Зачем?

– Затем, дура такая, защищаться, если что. Их пятеро – взрослых мужиков, а нас двое малолеток.

– Да ладно тебе, накручивать себя. Ты слышала, они все

из интеллигентных семей.

– Вот ты наивная балда, мало ли что они говорят, ты ведь наверняка о них ничего не знаешь.

– Ариш, на их лицах написано, даже печать стоит: «порядочные люди».

– Это у тебя печать на лбу: «доверчивая деревня».

Мы стояли у нашего огорода, спорили. Я все же уступила Наде и пообещала поехать, потому что знала свою подругу. Наврет матери и поедет одна. Раз она так захотела ехать, значит, она не сдастся. Иногда она бывает упрямой, как ослиха.

Придя домой, я быстро заварила корм для кабана, посыпала зерно птице. Пока я бегала по двору в заботе и суете, приехал отец на своем тракторе.

– Пап, можно я поеду с Надей в Покровку на танцы?

– А с кем?

– Ну, мы наших парней попросим.

– На велосипедах что ли?

– Нет, мы хотим попросить Димку Шитова, чтобы на мотоцикле нас отвез.

– Так, а назад вы как? Или Димка с вами?

– Ну, конечно, с нами останется.

– Но раз с Димкой, я не против. Ты же у нас совсем взрослая уже. Еще пару дней, и самостоятельно начнешь жить, по-городскому. Дочь, только запомни – голова у тебя всегда должна оставаться на плечах, при любых обстоятельствах.

Но все же давай подождем мать, что она скажет.

– Вот ты всегда так – разрешишь, а потом «подождем» или «иди у мамы спроси». Ты же знаешь, она сегодня на ферме допоздна будет.

– Ах да, я забыл. Ну ладно, езжай, я матери сам скажу.

– Пап, ужин я тебе на стол поставила, погреешь сам? А то я не успеваю, сейчас уже Надя зайдет.

– Иди, я справлюсь.

Я подбежала, чмокнула отца в щеку и побежала в дом. Надела свое любимое платье в черный горошек. В сумочку уложила кофту. Собрала свои темные волосы в хвост. Краситься я не любила, поэтому решила и сегодня не буду этого делать. Со двора кричал мне отец:

– Ариш, твоя подружка идет. Вы точно на танцы собрались? Что-то она вырядилась, ядерн батон, как будто на дорогу выходить собралась.

– Точно, пап, в Покровку на танцы.

Надя со двора закричала:

– Аришка, выходи, я здесь.

Когда я вышла на крыльцо, я обалдела от ее вида. И когда она только успела с собою все это сотворить?

На высоких каблуках, в коротких шортах, под которыми были надеты колготки в черную сетку; черная короткая майка чуть ниже бюста, как из иностранных журналов, которые привозили в наше сельпо из города. На плече висела боль-

шая сумка, явно неподходявшая по размеру к ее наряду.

– Надька, – закричал мой отец, – ты куда так вырядилась?

– Здрасьте, дядь Вась. Чего вам не нравится мой наряд?

– Да выглядишь так, как будто на большую дорогу собралась.

– Да ну вас, дядь Вася, ничего вы в моде не понимаете.

– Да куда ж нам, деревенским, такое понять. И пуп вон торчит. Нет, так я Аришку не пушу с тобой, ты ж как красная тряпка для быка будешь там для парней. А молодежь сейчас наглая, не то что в наше время.

– Пап, да ладно тебе, ты ведь не ее отец, чтобы ругать. В городе сейчас многие так ходят.

– Не отец! Но, если был бы им, сейчас по жопе надавал за такой наряд. Ну-ка, быстро беги переодеваться! – махая своими грязными руками, кричал мой отец.

– Я уже взрослая и сама решаю во что мне одеться. Вы что, и в город с нами поедете жить, чтобы командовать как нам одеваться?

– Надо будет – и поеду, – ворчал мой батя.

– Пап, ну хватит тебе, нам пора. А то Димка уедет без нас.

– Вот только из-за того, что Димка с вами едет, я буду спокоен. А так бы не пустил.

– Ну все, мы побежали.

Мой отец стоял у калитки, смотря нам в след, и махал головой.

– Надя, ты где это откапала? И чего ты не по сезону вы-

рядилась? Ночами-то холодно.

– Сама сшила из того, что было. А колготки мне в нашем сельпо тетка Маша по благу продала, они одна пара всего у нее были. Правда, классные? Я давно о таких мечтала. Мы, когда экзамены сдавали, на нас все пялились, мне даже стыдно было, что мы с тобой одни были в платьях, как бабки старые, по самое колено все прикрыто. А когда еще это надеть, как не сегодня? Смотри, какая классная осень – тепло, как летом.

– Да, конечно, классные, но, если честно, мне такие колготки не нравятся, прости. Мне кажется, в таких колготках, особенно с короткой юбкой, женщина выглядит вульгарно, но это только мое мнение. И вообще, я в городе не смотрела, кто в чем одет. Мне тогда важно было сдать экзамены.

– Ты, походу, как и твой батя, будете по жизни во всем тормозить и деревенщиной помрете. Вон ты даже не накрасила мордашку свою, ну хоть бы чуток намалевалась.

– Ты же знаешь, я не люблю это.

– Ну а волосы не могла что ли уложить? Как будто Зорьку свою идешь доить – завязала хвост.

– Ну, я, в отличии от некоторых, понравиться не хочу кому-то из тех, с кем мы едем.

– Кстати, а чего твой отец про Димку Шитова говорил?

– Мне пришлось соврать, что с ним поедем. Ты ж знаешь моего отца, он бы не пустил с городскими.

– Да уж, и ты в этом очень на него похожая. Всегда удив-

ляюсь, как мы с тобой друг друга столько лет понимаем? – она взяла меня под руку, и мы свернули к станции по короткой дороге мимо нашего сельпо.

На встречу нам ехал Димка Шитов. Он был первый жених на деревне, недавно вернулся с армии, в форме моряка. Так местные незамужние девушки все в него влюбились.

– Стой, стой, – замахала я ему руками.

– Привет, Аришка, чего тебе? Надя, ты что ли? Тебя и не узнать, как будто девочка из Голливуда.

– Привет, Димка, ты куда едешь? – спросила я его.

– Да к бабке Нюре, она попросила ей крышу починить в сарае, а что?

– А, ну раз к бабе Нюре, тогда езжай. Только одна просьба, не в службу, а в дружбу – не попадайся сегодня моему отцу на глаза, хорошо?

– Почему?

– Ну, не спрашивай, просто не попадайся. Потому что я ему соврала, что мы с тобой в Покровку на танцы поехали.

– А на самом деле вы куда?

– А на самом деле, мы просто погулять хотим допоздна, – встряла Надя.

– Ну ладно, дело молодое – гуляйте. Только осторожно, тут опять городских понаехало.

– Спасибо, Димка! – крикнула ему Надя, когда он отъехал.

Дима махнул рукой и скрылся за поворотом.

Когда мы подошли к станции, там действительно стояло четыре мотоцикла. Но парней не было. Я даже выдохнула и подумала: «было бы лучше, если и мотоциклов тоже не было». Но радоваться мне пришлось недолго. Из кустов, что ограждали здание станции, вылезла голова Толика.

– Надюша, ты просто отпад, – закричал он, вылезая из кустов, зовя всех остальных, и обнял Надю, целуя ее в шею.

– Вы что в кустах делаете? – спросила его Надя.

– Вас ждали.

– В кустах?

– Да нет, мы там маленький пикничок устроили, пока вас ждали.

От Толика, мне показалось, несло алкоголем. Но, возможно, я ошиблась, хотя шепнула об этом факте Наде. Она только фыркнула на меня и сказала:

– Ариш, не начинай.

– Девчонки, вы не замерзните? – вылезая из кустов, спросил Сава.

– Если замерзнем – согреете, – быстро ответила Надя.

Толик и Леня заулыбались и оценивающе посмотрели на нас.

– Меня греть не надо, – отрезала я. – У меня с собой есть теплая кофта, – посмотрев на подругу, я спросила: – Надь, а ты что, правда, ничего теплого с собою не взяла?

– Не замерзну, не переживай, – и села к Толику на мото-

цикл.

Меня позвал к себе Ник, Данил сел к Саве, и только Леня остался без пассажира. Первыми тронулись Толик и Надя, мы ехали предпоследними, за нами Леня.

Доезжая до Покровки, мотоцикл, на котором ехали Толик с Надей, остановился, и Толик скомандовал, как будто был нашим генералом:

– Мы с Надюшкой в магазин заедем, купим сигареты и пиво. Леня, давай с нами, поможешь нам, у тебя нет груза, а вы все езжайте в Покровку, встретимся у клуба.

– А чего ты тут раскомандовался? Мы с вами поедем! – запротестовала я. – Нам не к спеху туда, и танцплощадка пождет нас.

Но Надя меня перебила, прыгнула с мотоцикла и подбежала ко мне.

– Ариш, чего ты, блин, тормозишь. Езжайте, мы в магазин и сразу же догоним вас. Не надо за нами ехать.

– Нет! Мы с тобой так не договаривались, вместе – значит вместе.

– Ты что, совсем дура? Или сейчас прикидываешься? Я хочу с Толиком поехать, не надо мне сопровождения, поняла?

– Надя, я может и дура, но крыша у меня на месте, и она не едет с места, как у тебя. Поэтому мы поедем с вами.

– Нет! Езжайте к клубу, там и встретимся. Хватит тебе позорить меня. Как будто ты моя мамка.

Ее тон голоса, меня обидел.

– Как знаешь, но больше я никогда не соглашусь с тобой куда-то ехать. Это последний раз, я, как дура, тебя поддержала.

– Вот и молодец. Давай, подруга, до встречи у клуба.

Она убежала снова к Толику. И, когда они повернули влево, на укатанную дорогу, за ними поехал Леня. Ник меня спросил:

– Почему ты разрешаешь ей с собою так разговаривать?

– В каком смысле?

– Да она тобой прикрывается, а как подругу вообще не ценит, не то что ты ее.

– Она бывает ослихой, но на самом деле мы с ней с детства друг за друга.

– Ну что, поехали, Ариш, в Покровку? Ты не волнуйся, мы тебя правда не обидим.

– Почему-то сейчас я больше переживаю за Надю, – но он меня не услышал, так как вой мотоцикла заглушил мою речь.

Прошло больше часа. Клуб уже открыли, а Нади еще не было. Мои руки от волнения почему-то стали холодными, хотя вечер был теплый и душный. Я вытащила кофту, надела ее, но озноб не прошел.

– Аришка, ты что, замерзла? – спросил Ник?

– Нет, просто волнуюсь.

– За Надю что ли?

– Да, за Надю волнуюсь, почему их так долго нету?

– Слушай, хотел у тебя спросить, у вас что, позвонить совсем неоткуда?

– У нас в Нуре мертвое место, мобильные телефоны не ловят, а здесь, в Покровке, я, честно, не знаю, есть ли телефонная связь вообще. У нас, например, не у всех даже домашние телефоны есть.

– Как вы тут живете? 21 век, а у вас как будто каменный.

– Нормально живем, как видишь. Не тужим по поводу отсутствия связи.

– Да ваша деревня и эта Покровка еще не погибли, в них хоть жизнь кипит, а другие уже давно мертвые стоят.

– Это благодаря нашему председателю, хотя он уже давно предприниматель, но мы его по старинке зовем председателем. Он сумел удержать деревню на плаву, да еще и сделать ее прибыльной. А здесь, в Покровке, я всего несколько раз была, и то с отцом, когда он на своем тракторе подвозил дрова знакомым. А так, я не знаю здесь ничего. Вот только о клубе и слышала, что местные ребята ансамбль организовали и танцы устраивают всегда. Наши тоже сюда часто едут.

– Но ваша деревня все равно лучше, озеро у вас красивое, да с песчаным берегом – на море ехать не надо.

– Да, озеро у нас действительно красивое. Мы все гордимся нашей деревней. Поэтому, наверно, молодежь не разъезжается, как в других деревнях.

– Мне, тоже нравится ваша деревня.

– Да ладно, не верю. Вы же городские, с важным видом

перед нами, деревенскими, ходите, словно вы на небесах живете, а не в тесном душном городе. Кстати, почему тебя зовут Ник? Имя иностранное какое-то?

– Да нет, я Никита, это сокращенно меня так называют – Ник, или Кит.

– Тьфу, блин, я думала сначала, что Ник – это, наверно, Николай. Потом подумала, тебя бы Коляном звали, а за целый день ни разу никто так и не выкрикнул это имя. Поэтому решила, что имя у тебя иностранное. Сейчас ведь мода такая – Джессики, Алексы, ну и так далее. Но, чем имя Кит, так лучше Ник. А вообще, Никита – лучше и красивее.

– Согласен, но уже привык, что все мое имя сокращают.

– Интересно, мое имя тоже в городе сократят? И на какое?

– Риной наверняка будут в городе тебя называть.

– Рина? Ну ладно, хоть не рыба, как у тебя.

– Ну что, зайдем в клуб, Рина, которая не рыба? – улыбаясь, спросил он. – Хоть согреешься. А то дрожишь, как будто на улице мороз.

– Никит, кто такие Толик и Леня? Почему-то мне кажется, они как-то не вписываются в вашу компанию.

– Да мы их толком и не знаем, всего пару раз в городе встречались, да несколько раз на вечеринках, а сегодня на заправке по дороге сюда увиделись. Вот они и присоединились к нам. Сказали, что тоже едут на озеро.

– Почему ты мне это не сказал там, на дороге, когда Надя поехала с ними? – закричала я.

– А что я? Откуда мне знать, что тебе надо было говорить?

– Никит, пожалуйста, поедem туда, куда поехали Толик с Надей.

– Ну ладно, поехали, только, кажись, дождь начинается, да и ребятам надо сказать, что мы уедem.

В это время из клуба вышел Сава.

– Ребят, вы чего не заходите? Сегодня здесь глухо, как в танке. И погода меняется как на зло.

– Сава, дружище, мы с Аришкой поедem Надю искать.

– А они что, еще не приехали?

– Нет.

– Тогда мы с вами, – он свистнул Данилу, махая и зовя его рукой.

Пока мы доехали до поворота, куда свернули Толик с Надей, дождь уже лил, как из ведра.

Проехав немного, мы оказались на размытой дороге, которая уперлась в темный лес. Из леса повеяло холодной сыростью.

– Дальше-то куда? – закричал Никита.

– Я не знаю, они же говорили здесь магазин?

Подъехали Сава с Даниилом и тоже стали кричать.

– Тут оказывается нету дороги? Вот мы ослы, поверили Толику. И куда они уехали, кто теперь знает?

– Ребята, давайте проедem немного в лес? Пожалуйста, – ревела я.

Первый поехал Сава с Даниилом. Мы за ними. Проехали мы совсем немного – путь преградило сваленное дерево. Я в панике начала кричать.

– Надя! Надя!

Глава 2

Но в ответ была тишина. Дождь прекратился. Сава, посветив фарами, попробовал объехать дерево, но Данил сказал:

– Подожди, я перелезу на ту сторону и посмотрю, что там. Лучше посветите фарами.

Когда он перелез, снова закричал:

– Ребят, дороги тут точно нету, наверно, и дерево повалили, чтобы не обманываться, что дальше можно проехать.

– Тогда куда они поехали? – опять кричала я.

– Не знаем, Ариш, мы ведь тоже здесь никогда не были. В Покровку Сава пару раз ездил, а мы с Данилой вообще в этой стороне впервые, – ответил Никита.

– Слушайте, у меня в Покровке есть знакомый, – сказал Сава. – Давайте я за ним слетаю, он хоть местный, наверняка знает, куда здесь можно уехать.

– Мне почему-то кажется, они свернули сюда спецом, зная, что мы не знаем местность, а потом развернулись и уехали обратно, возможно, даже в город, – проговорил Никита.

– Ты так думаешь? – спросил его Сава.

– Не уверен, но, если дороги нет, куда они могли отсюда деться? Только назад поехать.

– Сава, поезжай к знакомому, спроси, может здесь есть другая дорога. Я не могу без Нади вернуться домой.

– Ариш, не плачь, мы обязательно ее найдем. Ждите здесь, никуда не уезжайте, я быстро, здесь как раз недалеко. Он живет на окраине Покровки.

И Сава уехал. Мы кружились по лесу недалеко от сваленного дерева. Кричали, звали Надю, Толика и Леню, но никто не отзывался.

С дороги показались огни – это был Сава, позади него ехал еще кто-то, освещая ярко дорогу. Трактор остановился. Сава подъехал к нам, сказал:

– Ребята, тут есть дорога в лес, но мы ее не заметили и проехали один поворот. Поехали, надо вернуться назад, только дорога ведет не в деревню, а в сторожку лесника, там трактор не проедет, но он посветит нам.

Мы доехали до трактора, из окна вылез парень, махая рукой и крича:

– Езжайте вперед я за вами, примерно километр мне с трактором можно проехать, потом останется узкая тропа, и до самой сторожки.

Ехали все медленно, размытая дорога была в ухабах, и мы осторожно выбирали путь. Трактор остановился и забибил. Мы тоже остановились, парень повернул трактор светом в сторону леса, спрыгнул из кабины с большой монтировкой в руке, показывая пальцем в ту сторону, куда направил свет:

– Кажись, там кто-то есть.

– Где? – спросил Сава, глуша мотоцикл.

– Там, может просто показалось, что-то у дерева виднеется. Видимость плохая, но давайте проверим.

– Останься здесь, – сказал мне Никита.

– Нет! – я зацепилась за его руку. – Я с вами, я одна боюсь.

Местный парень, которого звали Егор, был предусмотрительный – он не только приехал на тракторе, но и не забыл прихватить с собой фонарь. Когда мы подошли к дереву, я увидела Надю. Разорванная одежда на ней говорила сама за себя. Она была то ли без чувств, то ли мертва. Белокурые ее волосы прилипли к лицу.

– Надя! – закричала я и бросилась к ней.

Но Никита, поймав меня за руку, удержал.

– Если она мертва, то ее лучше не трогать.

– Отпусти, – я вырвала свою руку.

Сава подошел первый, взял Надину руку и, нащупывая пульс, тихо сказал:

– Она живая.

Мы попробовали посадить Надю, она застонала.

– Надо ее к трактору дотащить, а там можно и в Покровку, врача у нас в деревне нет, только ветеринар, – сказал Егор. – Хоть и ветеринар, но нас лечит, когда мы боеем. Он классный мужик.

Я сняла с себя кофту и прикрыла наготу своей подруги. Парни осторожно уложили Надю на плащ, снятый Егором, и тихонько потащили к трактору. Я держала ее за руку, мне так хотелось, чтобы она очнулась. Но она только тихо стонала.

– Я понять не могу, – говорил Никита. – Они что, совсем конченные дебилы? Мы ведь все видели, что они ее повезли сюда.

– Может, вообще конченные отморозки. Вы, как я понял Саву, нихрена этих двоих и не знаете? – ворчал Егор. – Нахрен вообще ехали с ними? Только отморозки могут на такое пойти при куче свидетелей.

Когда мы подъезжали к Покровке, я увидела на дороге трактор отца, и рядом стоял мотоцикл Димки Шитова.

– Стой, – закричала я. – Это мой отец, – Никита остановился.

Отец, увидев меня, бросился ко мне.

– Дочка, с тобою все хорошо?

– Пап, – заплакала я. – Да, со мною все хорошо, но Надя...

– Что Надя? – закричал он.

– Не знаю, она там в тракторе, мы ее везем к врачу.

– Какой здесь врач? Здесь ветеринар. Господи, почему ты меня обманула, дочь?

– Папа, пожалуйста, потом! Все потом, Надю надо к врачу.

– Надо ее к нам в деревню вести, у нас хоть больница есть, – громко сказал отец.

Но подошедший Егор сказал:

– Здорово, дядь Василий, лучше бы, конечно, в больницу, но мы не знаем, можно ее вообще транспортировать. Давай сначала Палыч посмотрит ее, хотя бы примерно скажет, можно вести по таким дорогам или нет.

– Ты прав, он хоть и врач зверей, но лучше нас знает, как быть. Поехали на моем тракторе! – скомандовал отец.

– Давайте на мотоцикле, так быстрее, – предложил Димка. Все трое уселись в мотоцикл и поехали за Палычем.

Мы ждали их у дороги совсем недолго, но казалось, время стоит на месте. И утро никогда не наступит.

Наконец-то показался Димкин мотоцикл. Как они умудрились, четыре взрослых мужика, усесться на один маленький мотоцикл не знаю, но Палыча тоже привезли. Он залез в кабину, осмотрел Надю и крикнул:

– Жалко девчонку, надругались над ней сильно. И голова на затылке пробитая. В больницу ее надо, так переломов вроде нету, может только то, что руками нельзя нащупать, а так вроде дотерпит до больницы. Рану на голове я ей как мог обработал, но лучше везти на машине, а не на тракторе.

Пока Палыч осматривал Надю, мой отец накинулся на Данилу, Никиту и Саву.

– Вы вообще кто такие? Вам что, своих девок мало в городе? Чего вы лезете в деревню? — кричал он на них.

– Пап, это не они! Они наоборот мне помогли найти Надю.

– Все равно, ядрен батон, – бурчал мой отец. – Нехрен им у нас в деревне делать.

Парни стояли молча, ничего не отвечая, словно были и правда виноваты.

Отец, махая руками, приказал:

– Ждите здесь, пойду машину найду.

– Дядь Вась, – крикнул Егор. – Я с вами, пойдемте сходим к Марковым, я видел Сашку вчера вечером, он утром в город собирался, глядишь и довезет, все равно по дороге.

– Марковых я не знаю, новенькие что ли?

– Да нет, это деда Никанора внук, – слышали мы их удаляющийся разговор.

Уже светало, все стояли тихо, съезжившись. От утренней прохлады нас всех знобило. Только Палыч стоял курил и все время залазил в трактор, осматривая Надю. Минут через пятнадцать к нам подъехала белая крутая машина. Из нее вышел отец, Егор и мужчина лет под сорок.

– Ну, кого надо в город везти? – сразу же спросил мужчина.

Палыч быстро слез с трактора, здороваясь с мужчиной.

– Сашок, в тракторе девушка, ее срочно в больницу надо отвезти. Только по ухабам не гони, кто знает, что у нее с головой.

Надю осторожно спустили с трактора и уложили в машину. Привезенным одеялом мужчина осторожно накрыл Надю и снова спросил:

– Кто еще пострадал?

Мы почти хором ответили:

– Больше никто.

– Палыч, ты со мной едешь?

– Нет, Сашок, я не могу.

– Как не можешь? Тут человек пострадал. Давай, садись, а вдруг в дороге помощь нужна будет, а я даже первую помощь не знаю, как оказать. У меня нет такой квалификации.

Мой отец тоже наехал на ветеринара:

– Палыч, давай-давай, садись в машину, нехорошо бросать больного, не доставив его до больницы.

– Так, а куда едем – сразу в город или в деревню Нуру? – спросил мужчина, которого Палыч назвал Сашок.

Сядясь в машину, Палыч сказал:

– Тогда сразу в район, там хоть оборудование есть, чтобы проверить ее голову. А уже в больнице доктора скажут, куда лучше.

Они уселись в машину и тронулись, но через пару метров вдруг машина остановилась, и Палыч, указывая на нас, приказал своим уверенным басом:

– Вы все за нами езжайте. Там надо будет рассказать, что произошло. Это изнасилование, поэтому и милиция наверняка приедет.

– А без милиции нельзя? – спросил Сава.

– Этого я не знаю. Но вам все равно надо ехать с нами.

– Ладно, поедем, – сказал Никита. – Езжайте спокойно, мы подъедем туда.

– Мужики, а не врете? – спросил Палыч?

– Да чего нам врать? Сказали подъедем – значит подъедем, – ответил Сава.

– Тогда встретимся у больницы.

И машина уехала, увозя Надю под присмотром местного ветеринара Палыча.

– Пап, я тоже поеду с ними. Я ведь тоже свидетельница.

– Нет, сейчас домой, – твердо сказал отец. – Садись к Димке, и езжайте домой, ты вся мокрая, заболеешь, – накидывая на меня свою фуфайку, сказал мой отец.

– Пап, так нечестно, они тоже мокрые, и им в город надо, а не в район. Но они едут туда. А Надя им вообще никто. А мне она подруга.

– Тогда поехали сначала к нам в деревню, я дам из своего что-нибудь переодеться, – сказал Димка, – ну, конечно, моя одежда не совсем в моду, как у вас, но зато сухая.

Все согласились, и мы поехали быстрее, чем отец на своем тракторе. Когда я забежала домой, мама вся в слезах бросилась ко мне:

– Ариша, дочка, что случилось?

– Мам, со мною все хорошо, но с Надей беда. Только ты пока не говори никому и папе скажи, чтобы молчал.

– Ох, – только взмахнула она руками и села на табурет.

– Мам, я переоденусь и поеду в район с Надей. Ее на машине повезли, а я с ребятами из города поеду.

– Из города? Нет, из города я тебя ни с кем не пущу! – со страхом ответила мама.

– Мам, у меня нет времени сейчас спорить. Но мне надо к Наде, понимаешь?

– Понимаю, тогда я с тобой.

– Мам, у них места нету, только одно место на мотоцикле.

– Тем более, ты одна с чужими. Не пущу!

Я забежала быстро в комнату, надела брюки, майку с длинным рукавом и свитер. Выйдя из комнаты, мама стояла уже одетая у двери.

– Дочь, давай пойдем к Левиным и попросим нас отвести в район. Так хоть вместе будем.

– Мамочка, не волнуйся, я целую ночь с ними искала Надю, и они меня не обидели, а, наоборот, помогли.

Дверь открылась и вошел Димка Шитов.

– Теть Вер, не беспокойтесь, я сам ее отвезу и назад тоже сам привезу.

– Ох, Димочка, спасибо тебе, раз ты с ней едешь, тогда буду спокойна.

– Хотя, знаете, тетя Вер, мне показалось, эти трое городских – порядочные мужики. Наверно, исключение из всех. Ну все, мы поехали, – отрапортовал бывший моряк.

Выходя из дому, я ему ответила:

– Ты, Дима, так говоришь, как будто среди городских вообще нет порядочных людей.

– Может и есть, но как они появляются в нашей деревне, всегда что-то случается. И это уже как закономерность.

– То, что городские парни красноречивее наших местных, в этом я сегодня убедилась на все сто процентов.

– Вот видишь, все девушки любят лапшу ушами слушать.

Мы, деревенские мужики, по лапше не специалисты, мы любим сердцем – меньше говорим, больше делаем.

Мы с ним сели на мотоцикл и поехали в район. Но за нами никто не следовал.

– Дима, а где парни из города? – прокричала я ему почти в ухо.

– Уехали, – услышала в ответ.

Странно, подумала я, ведь обещали, что поедут, а сами уехали. В голове, как и всегда бывает, полетели всякие мысли. Испугались, трусы несчастные, ну и так далее.

Но когда мы подъехали к больнице, у дверей входа стояли Данил и Сава.

– А я подумала, что вы испугались, – честно призналась я, подходя к ним. – И даже плохо стала о вас думать, за что прошу прощения. А Никита где?

– Эх ты, я думал, после сегодняшней ночи у тебя о нас не будет плохого мнения, – ответил Сава.

– Я же могла и не признаваться, о чем я думала, но призналась и даже извинилась, или ты хочешь, чтобы я еще раз извинилась?

– Да нет, одного раза достаточно, мы понятливые, – улыбаясь ответил Сава. – А вон и Ник едет. Он звонить ездил, у него важная встреча сегодня. Поэтому задержался.

– Я немного опоздал, простите, – подбегая к нам, сказал Никита.

– Прощаем, мы и сами только что подъехали.

– Ладно, идите уже, – сказал Димка, – я буду ждать вас здесь.

Нам сказали, что Надя в отделении гинекологии, и плюс у нее сильное сотрясение мозга. Пока ее нельзя беспокоить, но нам нужно рассказать, где и как это случилось. И нас послали к дежурному врачу.

Когда мы зашли в кабинет, там сидел угрюмый доктор и не очень приветливо пригласил присесть.

– Вы знаете, что с нею случилось? – первый вопрос задал он сердитым тоном.

– Нет, мы не знаем, нас не было рядом, но мы знаем, с кем она уехала, и мы же нашли ее в лесу в таком состоянии, – начал отвечать Никита.

– Что с ней, доктор? – спросила я.

Он оглядел меня, потом спросил:

– Вы ей кто?

– Я ее близкая подруга. Мы вместе поехали в Покровку, но, не доезжая деревни, она поехала с Толиком – сказали в магазин, но никто из нас не знал, что там нет дороги в деревню. И еще она сама не захотела, чтобы мы все ехали вместе за одним пивом. Поэтому мы поехали вчетвером в клуб, ждать их там, но, когда прошло полтора часа, мы забеспокоились и поехали искать, вот и нашли ее в таком состоянии, – плача, рассказывала я врачу.

– Ну, что могу сказать. – врач изменил свой сердитый тон на более вежливый. – Ее сначала, видно, избили, а потом

зверски изнасиловали. Поэтому мы поставили милицию в известность, так у нас положено. Вам придется давать свидетельские показания в милиции – с кем она уехала. К обеду должен прийти сотрудник от туда. Но я уверен, что она не сможет еще отвечать на вопросы. У нее сильное сотрясение мозга, кто-то ее хорошо ударил тупым предметом прямо в затылок.

– А жить она будет? – опять спросила я.

– Жить будет, только как – это уже другой вопрос. Для нее это сильная психологическая травма.

Но жизнь Нади после больницы продолжилась неожиданным образом для всех нас.

Во-первых, она отрицала факт изнасилования. Якобы ее никто не избивал, она просто упала с мотоцикла. Толика и Леню нашли сразу же. Они, конечно, все отрицали и тоже уверяли, что она упала с мотоцикла, при этом ударилась об дерево.

Когда она вернулась домой после выписки, я на выходные приехала домой. Так как занятия в институте уже начались, и ее койка в общежитии была пустой. А я не могла дождаться, когда же она выпишется из больницы. Но она даже в дом ко мне не зашла. Передала через соседскую девочку, которой было шесть лет, что она ждет меня на озере на нашем месте.

Я, обрадованная, что она наконец-то вернулась, бежала к озеру. В больнице нас так ни разу к ней не пустили: сначала было нельзя, а потом говорили, что она не хочет никого ви-

деть. Тогда я понимала ее. Да и слова доктора все время стояли в ушах: «Для нее это сильная психологическая травма».

– Надюшка, как же я рада, что ты вернулась, – я хотела обнять ее, но она жестом руки остановила меня.

– Ты мне больше не подруга, поняла? – резко ответила она мне.

– Надь, ты чего?

– Предательница! Ты опозорила меня почти на весь край, – орала она.

– Чем я тебя опозорила?

– Собрала почти всю округу, чтобы меня отвезти в больницу. Ты не могла это сделать по-тихому? Какая ты после этого мне подруга? Теперь каждый тычет в меня пальцем. А мать меня знать не хочет.

– Надь, я бы тебя одна пешком до района, даже если бы Геркулесом была, не дотащила. Это раз. Во-вторых, я никого не собирала. Мы везли тебя в Покровку, а отец мой и Димка ждали нас у деревни. Потому что мы с тобой не вернулись домой, когда танцы закончились.

– Не оправдывайся, папенькина доченька. Мало того, что все в деревне знают, так еще и весь район знает. Трепло ты поганое! Как мне теперь жить после этого?

– Надя, все будет хорошо, тем более учеба началась, я тебя все время ждала в общежитии.

– Забудь, я с тобой в одной комнате не собираюсь жить.

– Ты сейчас после больницы, и я не хочу с тобой ссорить-

ся.

– Ссориться, да кто с тобой ссориться собирается? Пошла вон из моей жизни, и никогда не подходи ко мне, поняла, предательница? С тобой дружить – себя не уважать.

– Я предательница? Ну прости, что не дала тебе там у развилки по башке, не схватила за волосы и не потащила домой! Прости, что не бросила тебя с сотрясением мозга в лесу на произвол судьбы. Прости меня за это. В следующий раз, когда тебе понадобится помощь, я подумаю, протянуть тебе руку или нет.

Мне до слез было обидно. Я развернулась и побежала домой.

– Я всю жизнь буду жалеть, что дружила с тобой, предательница! – неслоь мне в след.

Через месяц после этого разговора в институте все поговаривали, что Надя выходит замуж. Она действительно очень изменилась – стиль одежды сильно изменился, проходила мимо меня с гордым видом. И все время смотрела на меня, словно я какой-то сорняк, валяюсь под ее ногами. Мне до боли в сердце было обидно, но я очень старалась не подавать вида, что меня это очень задевает.

Ближе к Новому году я шла с Леной после института по улице, в воздухе кружил пушистый снег. Мне не хотелось идти в общежитие. Жизнь в нем стала невыносимой.

Все что-то шептали, указывая на меня пальцем, как будто я в один какой-то миг стала прокаженной. Даже не понимала, какая была в этом причина, идущая рядом однокурсница Лена спросила:

– Арина, ты не хочешь перевестись в другой институт?

– Интересно, почему я должна перевестись?

– Ты на меня не злилась, я не участвую в Надиной акции.

– В какой акции?

– Выжить тебя с общаги, а потом и с института. Но вижу, что они успешно осуществляют план. Сначала с тобой перестали все общаться, а теперь взяли за комнату, ты ведь не можешь спокойно там даже спать. И я уже слышала, что комендант общаги накатала на тебя жалобу в деканат за то, что ты нарушаешь правила поведения в общежитии, устраиваешь дебоши, и в твоей комнате постоянно драки.

– Ах, так значит это Надя старается? А то я все думала, кто мне все время комнату переворачивает, пока меня нет. Нет, я не уйду с института добровольно.

– А если тебя из-за жалоб отчислят?

– За что? Учусь я нормально.

– Просто знаешь, Надя замуж весной выходит за сына губернатора города. И он тебя не оставит в покое.

– Кто? Нааадя? Замуж выходит за сына губернатора?

– Да, а ты не знала?

– Нет, не знала.

– А кто у него сын? Я его вообще не знаю, и почему он

должен меня не оставить в покое?

– Толиком зовут, редкостная мразь. Надя ему, мне кажется, прям хорошую пару составит.

– Толик? Ах, вот почему она заявление не подавала и отрицала все тогда, – как—то случайно вырвалось с моих уст.

– Ты о чем сейчас?

– Да так, не о чем, это я о своем. Лена, спасибо тебе, что хотя бы ты ничего против меня не имеешь.

– Да не за что, если что обращайся. Я плевала на всех них. Ненавижу интриганов.

– Спасибо, буду иметь в виду. Прости, мне пора, хочу успеть родителям подарки купить на Новый год.

– А, тогда торопись, я вчера носилась по магазинам в поисках подарков, меня в вашу общагу один знакомый сегодня на день рождения к себе пригласил. Вот и носилась, как савраска.

Мы попрощались с ней. Я шла в город, но куда несли меня мои ноги, я даже не смотрела. В голове бежали мысли: «Как она может еще за этого маньяка замуж выйти? У нее что, совсем тогда мозги у того дерева остались? Нам врач сказал, что ее зверски насильовали, значит, и Леня тоже был там. И она выходит за одного из них замуж?»

– Арина, – услышала я.

Я оглянулась. По другую сторону дороги мне махал какой-то парень, подумала, что махают все же не мне. Хотела идти дальше, но опять услышала:

– Арина, подожди!

Он перебежал дорогу, я сразу его и не узнала. Это был Никита.

– Привет, как я рад, что увидел тебя. Сначала думал обо-
знался. Но потом вспомнил, что именно ты так необычно-
венно идешь, как будто паришь над землей.

– Привет, Никита, я тоже рада тебя видеть. Сто лет, сто
зим не виделись. И ничего я не парю над землей. Как все
утверждают, иду как коренная деревня. От меня даже наво-
зом воняет.

– Кто такую ерунду говорит? Хотя дай угадаю с трех раз.
Надя, что ли?

– Ну вот, сказал, что с трех раз, а угадал с первого. Хотя
может и не угадал. Это в институте так многие говорят.

– Бред, пусть на себя посмотрят. А мне вообще без раз-
ницы, что там говорят, я сам вижу.

– Спасибо за комплимент. Я уже даже и не рассчитываю
ни на какие добрые слова в свой адрес.

– Так, девушка с красивым именем и очень красивыми
глазами, разрешите вас пригласить на чашку кофе вон в то
кафе? – сказал он, указывая пальцем в ту сторону, куда я
шла.

– Вообще-то я иду покупать подарки родителям.

– Кстати, где празднуешь Новый год?

– Домой поеду.

– Почему домой? Обычно студенты вместе весело отме-

чают такой праздник.

– С некоторых пор я не захожу в группу моих однокурсников.

– Все, не принимаю отказ. Пошли в кафе, заодно все и расскажешь. Тем более сто лет не виделись.

Когда мы устроились в кафе у столика возле окна и ждали, пока нам принесут кофе с пирожным, я решила спросить:

– Никит, это правда, что Надя замуж выходит за Толика?

– А ты что, не знала? Да, за него выходит, уголовное дело ведь тогда замяли только из-за этого, что папаша Толика все сделал так, как будто и не было изнасилования. И дал Наде расписку, если она не подаст заявление на его сыночка, то заставит его жениться на ней. И, видно, Надя хорошо этим пользуется. Отцу Толика перед новыми выборами такая огласка не нужна. Да и Толик притих – все время рядом с Надей. Боится, видно, за решеткой оказаться. Но живет она уже в их доме. Хотя они это скрывают. Ведь она еще несовершеннолетняя. Кажись, весной у них свадьба, в день ее совершеннолетия.

– Слушаю все о Наде и думаю: оказывается мы так долго с ней дружили, а, в сущности, оказалось, я не знаю ее совсем.

– Я тебе говорил, помнишь, что она пользуется тобой, но не дружит искренне, как ты? Со стороны это было очевидно.

– Я ведь до сих пор ее люблю, ту Надю, которую знала раньше. До нашей с вами встречи. И ничего не могу с собой

поделать. А с Леней что? Он тоже должен жениться на ком-то?

– А с Леней вообще непонятки какие-то, он исчез, как будто и не жил в городе. Пару раз Сава ездил к нему, он ему обещал к мотоциклу достать крутые всякие навороты. А когда приехал туда, там сказали, что такой здесь не живет и никогда не жил, хотя Сава у него был пару раз раньше и уж точно знает, что Леня там жил.

– Да уж, все как-то странно.

– А теперь рассказывай, что у вас там в институте?

– Да ничего особенного, с Надей почти не вижусь, ее или нету, ну, а если есть, то лучше мне не быть в этот день там. Да и в общежитии уже сил нет жить, каждый раз прихожу – комната перевернута, что-то разбито. Уже в деканат написали жалобу, что у меня в комнате дебош каждый день. Одним словом, весело живу.

– Ничего себе, весело.

– Веселее не бывает, – улыбнулась я.

– Так, давай подумаем, что можно сделать и как съехать с общежития.

– Никит, тебе-то чего заморачиваться? Это мои проблемы, сама разберусь.

– Нет уж, в последний раз, там, у больницы, ты нам четко дала понять – прощайте, и никаких связей в дальнейшем. Но, как видишь, нас судьба опять свела, значит, это не просто так. И, если честно, после той ночи я очень часто о тебе

думал.

– Что думал, плохое что-то?

– Дуреха, если бы плохое думал, не захотел бы наверно с тобою кофе пить. Ариш, ты мне очень понравилась.

– Помнишь Димку Шитова?

– Это тот который на мотоцикле увез тебя от нас?

– Ну да, он. Так вот он мне тогда еще сказал, что городские любят лапшу вешать, а деревенские – не мастера на это дело, – улыбаясь говорила я.

– Нет, я тоже не мастер ездить по ушам, уж поверь. Я честно признался, что ты мне понравилась, даже несколько раз в вашу деревню приезжал, на вашем месте сидел, ждал, думал, ты появишься, но ты ни разу туда не пришла.

– Мы просто в разное время туда ходили. Я часто там была, когда приезжала домой. Все Надю ждала. А после того, как она меня прогнала из своей жизни, не была там ни разу.

– Ариш, да не стоит она твоих переживаний.

– Не говори так, тебе не понять меня. Я ведь с детства с ней, вот сколько помню себя, так всегда с нею за руки держались.

– Я очень хорошо тебя понимаю, мы тоже с Даниилом и с Савой с детства дружим. Даже не представляю жизнь без них.

– Кстати, как они? И вообще, чем ты занимаешься, а то все обо мне, да обо мне.

– Все тип-топ у них, и у меня так же. Скоро уедем в Моск-

ву, мы там фирму свою открываем. Пока, тьфу-тьфу, складывается все хорошо. Но не хочу пока хвалиться.

– Я очень рада за вас, ребята. Тьфу-тьфу-тьфу, вот стучу по дереву – пусть все сложится, как задумали.

– Спасибо, Аришка, а у меня как раз появилась идея. Слушай, мы после Нового года уезжаем, а у меня квартира здесь пустой остается, переезжай ко мне?

– Нет, нет, нет! Что люди скажут?

– Ариш, тут не деревня, пусть говорят, что угодно. Да и я буду уверен, что квартира под присмотром. Аришка, соглашайся.

– Нет, я не могу. Неудобно.

– Перед кем неудобно? Передо мной что ли?

– Да и перед тобой тоже. И вообще, я не знаю финансово потяну это или нет.

– Слушай, давай договоримся так: ты смотришь за квартирой, не устраиваешь дебоши в ней, содержишь в чистоте и оплачиваешь свет, газ и телефон – ну, то есть коммунальные услуги. А остальное там платить ничего не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.